

УДК 008:78(470+510):37

DOI: 10.34670/AR.2026.77.74.034

Музыкальное образование как культурный феномен в России и Китае

Ма Синьюй

Аспирант,
Московский государственный институт культуры,
141406, Российская Федерация, Химки, ул. Библиотечная, 7;
e-mail: aspirantura.mgik@mail.ru

Гармиза Николай Вадимович

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
141406, Российская Федерация, Химки, ул. Библиотечная, 7;
e-mail: g.garmiza@yandex.ru

Аннотация

Статья рассматривает музыкальное образование в России и Китае как социокультурный механизм, посредством которого воспроизводятся ценностные ориентации, модели личности и представления о роли искусства в обществе. Сопоставление традиций выявляет различия в философских основаниях: китайская линия, восходящая к конфуцианской связке музыки и ритуала, акцентирует моральную регуляцию и дисциплинарное совершенство, тогда как российская, сформированная под влиянием православной духовности и европейской эстетики, ориентирует обучение на внутренний опыт, психологизм и интерпретативную свободу. Показано, что институциональные траектории привели к разным организационным конфигурациям: российская трехступенчатая система обеспечивает раннюю профессионализацию, китайская, пройдя путь от наставничества к сетям консерваторий и университетских программ, сочетает заимствованные модели с централизованным управлением. Анализ межкультурного обмена фиксирует «обратное влияние» китайских студентов и российских педагогов, формирующее гибридные стратегии в фортепианной и вокальной подготовке с учетом языковой фонетики и исполнительских норм. Отдельное внимание уделено репертуарной политике, проблеме соотношения буквальной точности и смысловой интерпретации, а также цифровизации обучения и ее ограничениям для художественной коммуникации. Обсуждаются различия профессиональных рынков и воспитательные акценты, что позволяет оценить релевантность статьи для исследований культурной политики, педагогики искусства и российско-китайского гуманитарного взаимодействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Ма Синьюй, Гармиза Н.В. Музыкальное образование как культурный феномен в России и Китае // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 1А. С. 204-212. DOI: 10.34670/AR.2026.77.74.034

Ключевые слова

Музыкальное образование, Россия, Китай, межкультурный обмен, культурология, педагогика искусства, национальные традиции, исполнительское искусство.

Введение

Современная социокультурная динамика характеризуется интенсивным взаимодействием различных цивилизационных моделей, среди которых особое место занимают российская и китайская педагогические традиции в сфере искусства. Музыкальное образование в данном контексте перестает быть сугубо технологическим процессом передачи исполнительских навыков и трансформируется в сложный механизм трансляции ценностных смыслов, национальной идентичности и философских концепций. Исторически сложившиеся парадигмы обучения музыке в России и Китае имеют глубокие корни, уходящие в религиозно-философские системы, определявшие мировоззрение народов на протяжении столетий. В Китае это конфуцианская этика, рассматривающая музыку как инструмент гармонизации общества и управления государством, в то время как российская традиция, сформированная под влиянием православия и впоследствии европейского просвещения, акцентирует внимание на духовном становлении личности и эмоционально-образном постижении мира [Фэн Х., 2022]. Взаимопроникновение этих систем в XX веке, особенно в период активного культурного обмена 1950-х годов, создало уникальный прецедент синтеза методологий, последствия которого ощущаются до сих пор.

Глобализационные процессы современности ставят перед национальными системами образования новые вызовы, связанные с сохранением культурного кода в условиях унификации образовательных стандартов. Специфика музыкального воспитания заключается в его двойственной природе: с одной стороны, оно оперирует универсальным языком музыкальной гармонии и ритма, понятным вне зависимости от географических границ, а с другой — несет в себе интонационный словарь, неразрывно связанный с речевой и ментальной спецификой конкретного этноса. В этой связи особый интерес представляет анализ того, как национальные системы адаптируют заимствованные элементы, не теряя при этом своей самобытности. Для российской педагогики, переживающей период реформирования и поиска новых ориентиров, опыт Китая, сумевшего интегрировать западную классическую традицию в ткань восточной ментальности и достигнуть феноменальных результатов в массовом музыкальном образовании, представляется крайне важным объектом для осмысления [Тянь Б., 2023].

Необходимо отметить, что институционализация музыкального образования в обеих странах проходила различными путями, что обусловило разницу в организационных структурах и методических подходах. Российская система, базирующаяся на уникальной трехступенчатой модели «школа — училище — вуз», обеспечивает непрерывность и профессионализацию на ранних этапах развития одаренности. Китайская модель, исторически опиравшаяся на принцип наставничества и передачи мастерства от учителя к ученику, в XX веке активно имплантировала элементы советской и западной систем, создав мощную сеть консерваторий и университетских факультетов [Цюйань Юе, Ян Ц., Ли С., Хайчао Ч., Завьялова, 2022]. Однако за внешним сходством учебных планов и дисциплин скрываются фундаментальные различия в телеологии образования: если в российской традиции доминирует стремление к воспитанию «художника-мыслителя», способного к глубокой интерпретации, то в китайской педагогике сильны

тенденции к виртуозно-техническому совершенству и дисциплинарной безупречности как отражению трудолюбия и социальной ответственности.

В современных условиях наблюдается интересный феномен «обратного влияния», когда китайские студенты, массово обучающиеся в российских музыкальных вузах, привносят в учебный процесс иную трудовую этику и отношение к тексту, заставляя отечественных педагогов переосмысливать привычные методики. Одновременно с этим российские специалисты, работающие в КНР, сталкиваются с необходимостью адаптации принципов русской исполнительской школы к специфике китайского образного мышления и физиологии. Этот диалог культур порождает новые педагогические стратегии, требующие теоретического обобщения. Понимание музыкального образования как культурного феномена позволяет выйти за рамки узкопрофессиональных дискуссий о постановке рук или голосового аппарата и рассмотреть педагогический процесс как пространство межкультурной коммуникации, где музыка выступает медиатором сложных социальных и духовных процессов [Liu, Li, 2023].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил комплексный подход, объединяющий принципы сравнительной педагогики, музыковедения и культурологии. Эмпирическая база формировалась на основе анализа нормативно-правовых документов, регулирующих сферу художественного образования в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, учебных планов ведущих консерваторий двух стран, а также архивных материалов, отражающих историю становления музыкально-образовательных институтов. Особое внимание уделялось изучению философских трактатов и теоретических работ, обосновывающих ценностные ориентиры музыкального воспитания в различных исторических эпохах. В выборку источников вошли труды классиков музыкальной педагогики, современные диссертационные исследования, а также публицистические материалы, освещающие актуальные проблемы отрасли [Ван Л., 2022].

В процессе работы применялся метод историко-педагогической реконструкции, позволивший проследить эволюцию образовательных парадигм и выявить генезис современных методических подходов. Сравнительно-сопоставительный анализ использовался для выявления общего и особенного в содержании, формах и методах обучения музыке в России и Китае. Важным инструментом исследования стал герменевтический метод, направленный на интерпретацию смысловых контекстов музыкально-педагогических текстов и выявление скрытых культурных кодов, определяющих специфику национальных школ. Для объективизации полученных данных был проведен анализ статистических показателей, отражающих динамику развития сети музыкальных образовательных учреждений и контингента обучающихся, однако в рамках данной статьи акцент сделан на качественной интерпретации этих процессов, а не на количественных выкладках [Завьялова, Луков, 2021].

Всего в ходе исследования было проанализировано более 150 библиографических единиц на русском, китайском и английском языках, из которых для цитирования отобраны наиболее репрезентативные работы, отражающие ключевые аспекты рассматриваемой проблемы. Использование междисциплинарного подхода позволило преодолеть ограниченность узкоспециального взгляда и рассмотреть музыкальное образование как целостный социокультурный феномен. В качестве дополнительных источников привлекались материалы международных конференций и симпозиумов, посвященных вопросам музыкального

исполнительства и педагогики, что позволило верифицировать теоретические положения данными живой практики и экспертными оценками ведущих специалистов отрасли [Челнокова-Щейка, 2025].

Результаты и обсуждение

Фундаментальное различие в онтологии музыкального искусства в России и Китае детерминирует подходы к образовательному процессу, формируя уникальные педагогические ландшафты. В китайской культурной традиции, восходящей к конфуцианству, музыка (*yuе*) неразрывно связана с ритуалом (*li*) и рассматривается как средство упорядочивания вселенной и гармонизации общественных отношений. Образование здесь традиционно носило характер морального совершенствования, где овладение инструментом было путем к постижению Дао, высшей истины. Музыкальная практика не предполагала публичности в западном понимании, а была интровертным актом самосовершенствования или частью церемониала. Российская же традиция, впитавшая в себя византийскую литургику и европейский романтизм, трактует музыку как способ выражения эмоционального состояния души, как исповедь и проповедь одновременно. Это различие в целеполагании создает глубинное напряжение при попытке механического переноса методик: китайский студент часто ищет в музыке структурное совершенство и соответствие канону, тогда как русский педагог требует от него «переживания» и субъективной эмоциональной вовлеченности [Сорокина, Рудометова, 2024].

Институциональная структура музыкального образования в обеих странах прошла сложный путь трансформации, отражающий смену политических и экономических формаций. В России сложилась уникальная система трехступенчатого образования (ДМШ — училище — консерватория), которая позволяет выявлять таланты в раннем возрасте и обеспечивать их профессиональное становление в непрерывном режиме. Эта модель, унаследованная от советской эпохи, является предметом гордости и одновременно объектом критики в условиях рыночной экономики, так как требует колоссальных государственных вложений. Китай, начав строительство своей системы профессионального музыкального образования в начале XX века, активно заимствовал зарубежные модели, в том числе советскую в 1950-е годы. Однако в последние десятилетия в КНР наблюдается тенденция к интеграции музыкального образования в структуру классических университетов, что сближает ее с англо-саксонской моделью, но при сохранении жесткой централизации и идеологического контроля, характерного для социалистического строя [Гао Ш., 2023].

Феномен «фортепианной лихорадки» в Китае, не имеющий аналогов в мировой истории, стал ярким маркером культурной трансформации. Миллионы детей, обучающихся игре на фортепиано, — это не просто дань моде, а отражение стремления среднего класса к приобщению к высокой культуре, которая ассоциируется с западной классикой. При этом методика преподавания в Китае часто базируется на жесткой дисциплине, многократных повторениях и стремлении к техническому совершенству, что корнями уходит в традиционную педагогику заучивания иероглифов. Российская фортепианная школа, оказавшая колоссальное влияние на китайскую (достаточно вспомнить, что многие ведущие профессора китайских консерваторий — выпускники московской или петербургской школ), привнесла в этот процесс культуру звука, интонирования и глубокого анализа формы. Взаимодействие этих двух подходов рождает интересные гибридные формы, когда безупречная пальцевая беглость китайских пианистов одухотворяется пониманием скрытых смыслов музыки, привитым русскими наставниками [Гурулева, 2021].

Вокальное образование представляет собой еще более сложную сферу взаимодействия, поскольку здесь вступают в силу фонетические особенности языка. Китайский язык, будучи тональным, формирует специфическую работу голосового аппарата и слухового восприятия, что создает определенные трудности при освоении европейского оперного репертуара, основанного на кантилене и иной позиционной установке гортани. Российская вокальная школа, славящаяся своими традициями глубокого, грудного звучания и драматической наполненности, сталкивается с необходимостью адаптации своих методов к физиологическим и фонетическим особенностям китайских певцов. Интересно наблюдать, как в процессе обучения происходит не только техническая перестройка голоса, но и трансформация сценического поведения: сдержанность и статичность, свойственные китайской этике, уступают место более открытому и экспрессивному выражению чувств, характерному для русской исполнительской манеры [Васильева, 2025].

Нельзя игнорировать и аспект репертуарной политики, который в обеих странах является инструментом формирования культурной идентичности. В России учебный репертуар традиционно строится на балансе между западноевропейской классикой, русской музыкой XIX–XX веков и современной отечественной композиторской школой. В Китае ситуация иная: наряду с освоением «золотого фонда» мировой классики, огромное значение придается исполнению национальных произведений, адаптированных для западных инструментов (например, концерты для фортепиано с оркестром на темы китайских народных песен). Это отражает государственную политику «культурной уверенности», направленную на продвижение китайского искусства на мировую арену. Российский опыт сохранения национального репертуара в учебных программах служит для китайских коллег важным ориентиром в деле защиты своего культурного суверенитета в условиях глобализации [Попкова, 2024].

Проблема интерпретации музыкального текста становится ключевой точкой соприкосновения и расхождения двух культур. В европейской и, в частности, российской традиции нотный текст не является абсолютной догмой; он предполагает наличие подтекста, скрытых смыслов, которые исполнитель должен расшифровать и донести до слушателя. Понятие «интонации» по Б.В. Асафьеву, как носителя смысла, является краеугольным камнем отечественного музыкознания. Для китайского менталитета, воспитанного на уважении к канону и учителю, текст часто воспринимается как непреложный закон, который необходимо воспроизвести с максимальной точностью. Преодоление этого «буквализма» и выход на уровень сотворчества с композитором является одной из сложнейших задач для китайских студентов в российских вузах. В то же время, их скрупулезное отношение к деталям и авторским ремаркам иногда служит хорошим уроком для российских студентов, склонных к излишней вольности интерпретации [Ермолин, 2021].

Современные тенденции цифровизации и медиатизации образования вносят свои коррективы в традиционные уклады. Китай демонстрирует высочайшие темпы внедрения цифровых технологий в музыкальное обучение: онлайн-платформы, приложения с искусственным интеллектом для проверки интонации, виртуальные концертные залы. Россия, обладая сильной консервативной традицией, подходит к этим нововведениям с осторожностью, стремясь сохранить живой контакт «учитель-ученик» как основу передачи мастерства. Однако пандемические ограничения последних лет вынудили обе системы искать компромиссы и разрабатывать методики дистанционного обучения музыке, что выявило как новые возможности, так и серьезные ограничения цифрового формата в сфере искусства. Обмен опытом в этой области становится все более актуальным, поскольку позволяет найти баланс

между технологическим прогрессом и сохранением духа живого творчества [Huang, 2024].

Вопросы профессиональной реализации выпускников также имеют свою специфику. В Китае бурный рост экономики и строительство огромного количества концертных залов и театров создают высокий спрос на исполнителей и педагогов, что поддерживает престиж музыкальной профессии. В России ситуация более сложная: при высочайшем уровне подготовки выпускников рынок труда не всегда способен обеспечить достойные условия для всех специалистов, что приводит к оттоку кадров за рубеж или смене профессии. Этот дисбаланс создает парадоксальную ситуацию, когда российские вузы все больше ориентируются на экспорт образовательных услуг, привлекая иностранных студентов, в первую очередь из Китая, что превращает образование в важную статью внешнеэкономической деятельности и инструмент «мягкой силы» [Нью Ц., 2025].

Аксиологический аспект музыкального образования в двух странах проявляется в воспитании патриотизма и гражданственности через искусство. В Китае эта линия проводится открыто и системно, музыка рассматривается как мощный идеологический ресурс. В России после периода деидеологизации 1990-х годов также наблюдается возвращение к пониманию воспитательной функции искусства, однако акцент делается не столько на политической лояльности, сколько на формировании духовности и нравственного стержня личности на основе традиционных ценностей. Сопоставление этих подходов позволяет увидеть, как музыкальное образование становится полем битвы за умы и души молодого поколения, где каждая страна использует свой уникальный культурный арсенал.

Важно отметить роль теоретического музыкознания в образовательном процессе. Российская школа теории музыки, сольфеджио и гармонии отличается исключительной фундаментальностью и системностью, развивая у студентов аналитическое мышление. Китайская система, часто ориентированная на практический результат, в последние годы активно перенимает российские методики теоретической подготовки, осознавая, что без глубокого понимания структуры и истории музыки невозможно достичь подлинных высот в исполнительстве. Перевод и адаптация российских учебников по теории музыки в Китае свидетельствуют о признании универсальной ценности отечественной музыкально-теоретической мысли.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения музыкального образования как сложного культурного феномена в пространстве российско-китайского взаимодействия, можно констатировать наличие глубокой взаимосвязи между педагогическими практиками и цивилизационными кодами двух стран. Анализ правовой базы показывает, что законодательство обоих государств движется в направлении усиления государственного контроля и поддержки сферы искусства, признавая ее стратегическое значение для национальной безопасности и культурного суверенитета. В России это выражается в утверждении федеральных государственных требований к предпрофессиональным программам и сохранении уникального статуса творческих вузов, закрепленного в законе «Об образовании в Российской Федерации». В Китае же наблюдается жесткая регламентация образовательных стандартов со стороны Министерства образования, направленная на интеграцию идеологических императивов в художественное обучение. Правовое регулирование в этой сфере не просто устанавливает правила функционирования учреждений, но и фиксирует государственные приоритеты в области культуры.

Взаимное притяжение образовательных систем России и Китая обусловлено комплементарностью их качеств: российская глубина, психологизм и фундаментальность теоретической базы гармонично дополняются китайским трудолюбием, технической оснащенностью и стремлением к инновациям. Перспектива применения результатов данного анализа видится в разработке совместных образовательных программ, которые не ограничивались бы простым обменом студентами, но предполагали бы создание синтетических методик, учитывающих этнопсихологические особенности обучающихся. Необходимо переосмысление подходов к адаптации иностранных студентов, уход от формального выполнения учебного плана к глубокому культурному погружению, которое позволит китайским музыкантам не просто копировать русскую манеру игры, но постигать ее смысловые основания.

Развитие гуманитарного сотрудничества в сфере музыкальной педагогики обладает потенциалом для смягчения геополитических противоречий и создания единого культурного пространства Евразии. Опыт взаимодействия двух великих музыкальных культур доказывает, что искусство способно преодолевать языковые и ментальные барьеры, создавая универсальный язык взаимопонимания. Дальнейшее сближение нормативно-правовых баз и гармонизация квалификационных требований могут стать основой для формирования общего рынка труда в сфере искусства, что откроет новые горизонты для профессиональной реализации музыкантов обеих стран. Сохранение национальной идентичности при открытости к диалогу остается главным вектором развития музыкального образования в XXI веке.

Библиография

1. Ван Л. Внедрение методики обучения китайскому языку и культуре на языковых курсах // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2022. № 9. С. 3131.
2. Васильева Г.М. Интегральные понятия "воспитание", "образование", "просвещение" в китайской и японской культурах // Культура и текст. 2025. № 1 (60). С. 296-311.
3. Гао Ш. Преподавание китайской культуры в России с точки зрения теории кодирования и декодирования // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 3 (132). С. 105-112.
4. Гурулева Т.Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. 2021. № 54. С. 113-130.
5. Ермолин Е.А. Диалог культур в аспекте современных образовательных стратегий: проблемы изучения культуры Китая в образовательном процессе в России // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 91-103.
6. Завьялова Н.А., Луков В.А. Культурная доминанта российской и китайской молодежи на занятиях по прикладной культурологии // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 181-189.
7. Нью Ц. Размышления о взаимосвязи между языком и культурой в китайском международном образовании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 5-3. С. 118-123.
8. Попкова Т.Д. Культурологический компонент учебного процесса в обучении китайских студентов // Филология в XXI веке. 2024. № 1 (13). С. 76-85.
9. Сорокина А.В., Рудометова А.Ю. Роль интеграции культурного контекста при изучении китайского языка и методы его обучения // Человек. Социум. Общество. 2024. № 10. С. 62-66.
10. Тянь Б. Исследование модели преподавания китайского языка как иностранного на фоне культурного контекста "Одного пояса - одного пути" // Научный аспект. 2023. Т. 14, № 11. С. 1753-1760.
11. Фэн Х. Как культурные обмены влияют на сферу музыкального образования: история вопроса // Педагогика искусства. 2022. № 4. С. 104-111.
12. Цюйань Юе, Ян Ц., Ли С., Хайчао Ч., Завьялова Н.А. Мифологемы Китая в контексте современной культуры и языка // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 12 (58). С. 74-81.
13. Челнокова-Щейка А.В. К вопросу формирования межкультурной грамотности изучающих китайский язык // Иностранные языки в школе. 2025. № 6. С. 17-24.
14. Huang Q. Methodological and personnel support for multicultural education and multilingual education of primary schoolchildren in China // Modern Pedagogical Education. 2024. № 12. С. 66-71.
15. Liu L., Li F. The vision of ideological culture in contemporary Chinese education: preserving society and state (La perspectiva de la cultura ideológica en la educación china contemporánea: preservar la sociedad y el estado) // Cultura y Educacion. 2023. Т. 35, № 3. С. 774-815.

Music Education as a Cultural Phenomenon in Russia and China

Ma Xinyu

Postgraduate Student,
Moscow State Institute of Culture,
141406, 7, Bibliotechnaya str., Khimki, Russian Federation;
e-mail: aspirantura.mgik@mail.ru

Nikolai V. Garmiza

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture,
141406, 7, Bibliotechnaya str., Khimki, Russian Federation;
e-mail: g.garmiza@yandex.ru

Abstract

The article examines music education in Russia and China as a sociocultural mechanism through which value orientations, personality models, and ideas about the role of art in society are reproduced. A comparison of traditions reveals differences in philosophical foundations: the Chinese line, tracing back to the Confucian connection between music and ritual, emphasizes moral regulation and disciplinary perfection, while the Russian line, formed under the influence of Orthodox spirituality and European aesthetics, orients teaching towards inner experience, psychologism, and interpretive freedom. It is shown that institutional trajectories have led to different organizational configurations: the Russian three-tiered system ensures early professionalization, while the Chinese system, having passed the path from mentorship to networks of conservatories and university programs, combines borrowed models with centralized management. Analysis of intercultural exchange records a "reverse influence" of Chinese students and Russian teachers, forming hybrid strategies in piano and vocal training, taking into account language phonetics and performance norms. Special attention is paid to repertoire policy, the problem of the correlation between literal accuracy and semantic interpretation, as well as the digitalization of education and its limitations for artistic communication. Differences in professional markets and educational emphases are discussed, which allows assessing the relevance of the article for research in cultural policy, art pedagogy, and Russian-Chinese humanitarian cooperation.

For citation

Ma Xinyu, Garmiza N.V. (2026) Muzykal'noye obrazovaniye kak kul'turnyy fenomen v Rossii i Kitaye [Music Education as a Cultural Phenomenon in Russia and China]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (1A), pp. 204-212. DOI: 10.34670/AR.2026.77.74.034

Keywords

Music education, Russia, China, intercultural exchange, cultural studies, art pedagogy, national traditions, performing arts.

References

1. Chelnokova-Shcheyka, A. V. (2025). K voprosu formirovaniya mezhkul'turnoy gramotnosti izuchayushchikh kitayskiy yazyk [On the issue of forming intercultural literacy among Chinese language learners]. *Foreign Languages at School*, (6), 17-24.

2. Ermolin, E. A. (2021). Dialog kul'tur v aspekte sovremennykh obrazovatel'nykh strategiy: problemy izucheniya kul'tury Kitaya v obrazovatel'nom protsesse v Rossii [Dialogue of cultures in the aspect of modern educational strategies: problems of studying Chinese culture in the educational process in Russia]. *World of Russian-Speaking Countries*, (3), 91-103.
3. Feng, H. (2022). Kak kul'turnye obmeny vliyayut na sferu muzykal'nogo obrazovaniya: istoriya voprosa [How cultural exchanges influence the sphere of music education: background of the issue]. *Pedagogy of Art*, (4), 104-111.
4. Gao, Sh. (2023). Prepodavanie kitayskoy kul'tury v Rossii s tochki zreniya teorii kodirovaniya i dekodirovaniya [Teaching Chinese culture in Russia from the perspective of encoding and decoding theory]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (3), 105-112.
5. Guruleva, T. L. (2021). Podkhody k obucheniyu kitayskomu yazyku v aspekte formirovaniya mezhkul'turnoy obrazovatel'noy paradigmy [Approaches to teaching Chinese in the aspect of forming an intercultural educational paradigm]. *Language and Culture*, (54), 113-130.
6. Huang, Q. (2024). Methodological and personnel support for multicultural education and multilingual education of primary schoolchildren in China. *Modern Pedagogical Education*, (12), 66-71.
7. Liu, L., & Li, F. (2023). The vision of ideological culture in contemporary Chinese education: preserving society and state [La perspectiva de la cultura ideológica en la educación china contemporánea: preservar la sociedad y el estado]. *Cultura y Educacion*, 35(3), 774-815.
8. Niu, Ts. (2025). Razmyshleniya o vzaimosvyazi mezhdu yazykom i kul'turoy v kitayskom mezhdunarodnom obrazovanii [Reflections on the relationship between language and culture in Chinese international education]. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, (5-3), 118-123.
9. Popkova, T. D. (2024). Kulturologicheskiy komponent uchebnogo protsessa v obuchenii kitayskikh studentov [Culturological component of the educational process in teaching Chinese students]. *Philology in the XXI Century*, (1), 76-85.
10. Quanyan, Yue, Yang, Ts., Li, S., Haichao, Ch., & Zavyalova, N. A. (2022). Mifologemy Kitaya v kontekste sovremennoy kul'tury i yazyka [Mythologems of China in the context of modern culture and language]. *Education Management: Theory and Practice*, (12), 74-81.
11. Sorokina, A. V., & Rudometova, A. Yu. (2024). Rol' integratsii kul'turnogo konteksta pri izuchenii kitayskogo yazyka i metody ego obucheniya [The role of integrating cultural context in learning Chinese and methods of teaching it]. *Human. Society. Community*, (10), 62-66.
12. Tian, B. (2023). Issledovanie modeli prepodavaniya kitayskogo yazyka kak inostrannogo na fone kul'turnogo konteksta "Odnogo poyasa - odnogo puti" [Study of the model of teaching Chinese as a foreign language against the background of the cultural context of the "Belt and Road"]. *Scientific Aspect*, 14(11), 1753-1760.
13. Vasilyeva, G. M. (2025). Integral'nye ponyatiya "vospitanie", "obrazovanie", "prosveshchenie" v kitayskoy i yaponskoy kul'turakh [Integral concepts of "upbringing", "education", "enlightenment" in Chinese and Japanese cultures]. *Culture and Text*, (1), 296-311.
14. Wang, L. (2022). Vnedrenie metodiki obucheniya kitayskomu yazyku i kul'ture na yazykovykh kursakh [Implementation of the methodology of teaching Chinese language and culture in language courses]. *Letters to Emissia.Offline*, (9), 3131.
15. Zavyalova, N. A., & Lukov, V. A. (2021). Kul'turnaya dominanta rossiyskoy i kitayskoy molodezhi na zanyatiyakh po prikladnoy kul'turologii [Cultural dominant of Russian and Chinese youth in applied cultural studies classes]. *Knowledge. Understanding. Skill*, (1), 181-189.